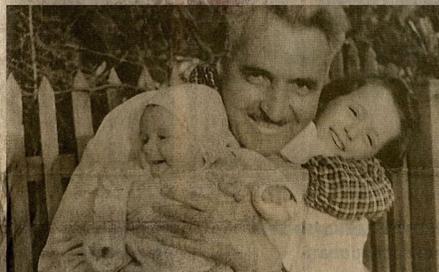

Сын Константина Симонова
Алексей Симонов:

«Отец никого не любил с закрытыми глазами»

28 ноября Константину Симонову, одной из главных фигур советской литературы, исполнилось бы 90 лет. Масштаб и значение творчества Симонова четко не определены до сих пор — во всяком случае, сейчас из хрестоматийного «мастодонта»-писателя он превращен телевизионным поп-кинематографом чуть ли не в главного плейбоя сталинской эпохи. Свою версию того, что значит, значит и будет значить для литературы Константин Симонов, предложил в беседе с обозревателем «Известий» Андреем Колесниковым сын писателя, президент Фонда защиты гласности Алексей Симонов.

1. 1947 год. Дом Союзов. Актриса Серафима Бирман, Иван Берсенева, Валентина Серова, Константин Симонов 2. С дочерьми Сашей и Катей, 1958 год 3. Северная Румыния, 1944 год. Комполка Афонин. Роман Кармен, Константин Симонов 4. Апрель 1943 года. В госпитале

«Глазами человека моего поколения», продиктованных в больнице в феврале-апреле 1979 года. На этих встречах он, безусловно, пытался понять и подстроиться к взглядам Сталина. Однако были вещи, которые он понять не мог, и вопросы, которые не могли найти ответа. И ответ откладывался на потом.

Кроме того, отец никого не любил с закрытыми глазами. Вот тебе наглядная простая история. 1941 год. Симонов пишет известное стихотворение: «Словно стирешь в бинюшке перевернутый — Все, что сзади осталось, уменьшено. // На вокзале, метелью подернутом, // Где-то плачет далекая женщина». Вот и слушай дальше: «Как и всем нам, войною непрошено // Мне жестокое зрение выдано... Мы, пройдя через кровь и страдания, // Снова к прошлому взглядом приближимся, // Но на этом далеком свидании // До белой слепоты не унизимся... Слишком многих друзей не доключится // Повидавше смерть поколение, // И обратно не все увеличится // В нашем горем испытанном зрении».

Ты понимаешь, о чем это? Понимаешь. И он понимал. Поэтому когда он эти стихи готовил к печати — испугался. Отец дописал три строфы, возвращая их к начальным строкам, к женщине: «Моя славная, моя нежная», разжигив пафос. И так печатал до 1955 года, пока не понял, что можно расшифровать стихи обратно. Поэтому нельзя сказать, что отец однозначно ничего не понимал.

Но обаяние, завораживающее обаяние Сталина, оно ведь воздвигалось и на Пастернака, и на Мандельштама, и на Булгакова, а уж на молодого Симонова тем более. Отец пришел к формуле, что это великое, но чудовище. Но для того, чтобы человеку его времени выйти на иную оценку Сталина, нужно было быть очень независимым человеком. Может быть, таким человеком был Василий Гроссман. При том, что отец очень любил и уважал Гроссмана и его прозу, себе такой судьбы он не желал.

У отца есть письмо, написанное в 1956 году и обращенное ко мне. Я уехал в экспедицию и был в это время в Якутске. Мне не было еще и 17 лет. И отец писал мне: если ты имеешь живого папашу, а не холмик для воспоминаний, то только потому, что я всегда свои амбиции держал в собственной руке и не поддавался ни на чьи подначки, в том числе и на свои собственные.

ИЗВЕСТИЯ: Почему Симонов остался верен только

одной теме — войне? Не пытался ли он писать о чем-нибудь другом?

Симонов: Его отношение к войне тоже эволюционировало — от литературного до исторического. Он все больше и больше становился историком. Где-то в начале 70-х он занялся солдатской темой: «Шел солдат», «Солдатские мемуары». И оказалось, что он очень много не знает о войне. Симонов понял, что он никуда от нее не уйдет.

Вот показательная история. 1966 год. Уже два года, как, отложив роман, он работал над комментарием к дневникам 41-го года и подготовил к печати книгу «Сто суток войны». Твардовский, считая эту книгу лучшим из написанных Симоновым вообще, решил это печатать. Сентябрьская книжка «Нового мира». Октябрьская... Текст лежит в цензуре. Ноябрь — лежит в цензуре. Два литературных «быка» — Симонов и Твардовский — бьются. И что они получают в ответ? Даже не просто гневные отповеди. В каких выражениях пишет об этом Главлур, в каких выражениях пишет об этом ЦК — страшно перечитывать!

ИЗВЕСТИЯ: Вы ведь, наверное, мало общались с отцом. У него была своя жизнь, бесконечные разъезды...

Симонов: Я его вообще мало видел. Дело в том, что отец ушел от матери, когда мне был год. Поэтому изначально он был приходящим отцом. Если быть еще более точным, то в войну и после войны достаточно долго не он был приходящим отцом, а я был привозимым сыном. Меня к нему доставляли либо на дом, либо в ресторан куда-нибудь, либо в Центральный дом литераторов, где он на полчаса или на 45 минут устраивал мне праздничный наряд с общением с другими присутствовавшими там людьми.

ИЗВЕСТИЯ: Наверное, у вас остались обиды?
Симонов: Естественно, были обиды, и немалые. Но к 1955 году я стал отцу интересен. Я уже искал свою дорогу. И мы нашли друг друга. Отец стал больше со мной встречаться. И у него самого поубавилось твердоточности, это был как раз период, когда он уходил от Валентины Серовой, чего я не знал.

В 56-м, только что окончив десятилетку, я уехал в экспедицию. В экспедиции я полтора года пробыл, между прочим, безвылазно. И вот отец туда прилетел в июне 57-го. И в эти три дня, что он у меня пробыл,

я влюбился в отца. Я увидел совершенно фантастического мужика, который умеет быть в центре внимания и одновременно не претендовать на это. А кроме того, он прилетел после пленума ЦК, где была подвергнута сокрушительной критике антипартийная группа Молотов — Маленков — Каганович и примкнувший к ним Шенилов. Он только что пережил, у него только что родилась дочка Сашка. И он был всем этим полон, и я ему был интересен и нужен как собеседник.

Мы ходили с отцом на ледник, где я обычно работал (это была геофизическая партия). Там, в двух километрах выше по леднику, была палатка, где остались двое наших людей дежурить. Нужно было их оттуда забрать. И мы с папашей поперли. Было ему 42. Мне — 17. Я был здоровый, как лось. И для меня было чрезвычайно важным то, что я прокладывал ему дорогу. Это дыхание за плечами у тебя, конечно, дорогого стоит — когда ты в отношениях с отцом не только ведомый, но и в какой-то ситуации ведущий.

ИЗВЕСТИЯ: Вы не вели с ним политических дискуссий?
Симонов: Где-то с середины 60-х годов мы с ним начали, с одной стороны, сходиться, а с другой стороны, вычленили какие-то темы, на которые нам не надо разговаривать. Например, политические вопросы. Я не был диссидентом, но склонялся к диссидентству, подписывал письма, читал всю запрещенную литературу. Было предостережение, что эти сюжеты нас разведут, поэтому их лучше было не трогать.

...Летом 1979 года я снимал картину в Выборге. Ко мне на съемки 8 августа, а мне исполнилось 40 лет, приехала мать, привезла телефон отца в больницу. 8-го я ему позвонил, и это был последний наш разговор, потому что 28 августа он умер. Отец сказал: «Я горжусь, что у меня есть такой 40-летний друг, как ты» — его последний мне подарок.

ИЗВЕСТИЯ: Что читал ваш отец?

Симонов: Читал очень много, очень быстро и очень умело. Поскольку читал не только для удовольствия, но и по обязанности. Очень любил исторические сочинения. Очень любил Хемингуэя. Было восхищение Булгаковым — хотя и оснащенный той бедой, которая была присуща людям его ранга и круга: качество литературы и ее проходимость воспринимались сразу в комплексе. Система равновесия, поплавок была ему более чем понятна. Это он уговорил Елену Сергеевну Булгакову, чтобы журнальный вариант «Мастера и Маргариты» был выпущен в любом виде. Они даже договорились не смотреть на то, что из этого романа выйдет. Просто не смотреть.

Тут вообще забавная история. Роман ведь печатала моя мама в журнале «Москва». В начале 1990-х я был в Бремене и знакомился с коллекцией самиздата, которой распоряжался бывший диссидент Гарик Суперфин. И попросил его показать жемчужину его архива. Гарик достал из коробки два номера журнала «Москва», в которых мы с мамой вклеивали то, что было выброшено цензурой, — эти журнальные книжки были похожи из-за вклеек на ежей. (Достает из книжного шкафа и показывает № 11 журнала «Москва» за 1966 год с многочисленными вклейками.) Я знал даже вкус клея на каждой странице, потому что сам клеил. К нам тогда пришла Елена Сергеевна Булгакова и попросила такой экземпляр. Но она не просила его подарить, а предложила обмен (открывает другой шкаф и показывает на папку): третий экземпляр прижизненной машинописной перепечатки «Мастера и Маргариты».

ИЗВЕСТИЯ: Каким был Симонов в быту?

Симонов: Отец в быту был человек замечательный. Поскольку был занимал в его жизни малое место, он должен был быть предельно удобен и максимально комфортен. Кроме того, был был подстроен под работу. Например, у отца с очень ранних времен были столы, сделанные на заказ. Большие столы, как правило, полукруглые в той части, где он сидел. Таких рабочих мест было несколько. Рабочее место было в «верхнем» кабинете в квартире на Черняховского, 4. Однако в силу семейности, все-таки две дочки, работать было трудно, поэтому был придуман и сделан «нижний» рабочий кабинет, Черняховского, 2; там работала Нина Павловна, там была двухкомнатная квартирка, в кухне помещалась секретарская и была большая его комната рабочая. Плюс была дача в Пахре. Наконец, была дача или место для работы в Гульриппе.

Этот рабочий быт. А те часы, которые были свободны от работы, всегда носили элемент праздника. Он никогда не ел на газетке. Очень любил готовить. Мясо, например, он всегда жарил сам, салаты, как правило, делал сам. Всегда из-за границы привозил что-нибудь экзотическое. Я впервые у него попробовал анчоусы, вяленые оливки, массу замечательного. Отец обожал поваров, любил смотреть, как они готовят.

Он был живой человек, человек со скрытыми, но не скрытыми слабостями. В молодости он бравировал своей крепостью к алкоголю. Смешная деталь: за обедом он любил выпить рюмку водки. Но если после этого нужно было ехать на какое-нибудь заседание, он брал таблетку валидола, чтобы от него пахло лекарством, а не водкой. Отсюда легенда, что у него были нелады с сердцем. Хотя с сердцем, в отличие от легких, у него было все в порядке.

Где-то в его письмах откопал, что если отец опаздывал со сдачей рукописи, он себя наказывал — запрещал себе курить до тех пор, пока не завершал работу. Он по пять месяцев не курил. Я себе этого представить не могу — это же изуверство, потому что за работой ведь начинаешь курить больше!

ИЗВЕСТИЯ: Ваш отец работал в газетах, редактировал журналы. Это была такая обязанность или ему нравилось редактировать?

Симонов: Вообще говоря, то, что ему после 1957 года не дали ничего редактировать, это — бесстыдство, потому что редактор он был замечательный.

ИЗВЕСТИЯ: Это после второй отставки из «Нового мира»?

Симонов: Да, да. Он был редактором, он любил эту работу, он понимал ее смысл. Отец вообще был профессионалом. В разных ипостасях. Он мог бы быть профессиональным поваром, он мог бы быть профессиональным метрдотелем, я не шучу, он был профессиональным редактором, он был профессиональным сценаристом, он был профессиональным драматургом, профессиональным прозаиком, профессиональным поэтом. Это могло быть лучше или хуже, но по профессиональным критериям все, что он делал, всегда было сделано крепко.